

УДК 342 (09) (470. 67)

Т.В. Гаджиев

Титул «шамхал» в свете исторической традиции и исторической реальности

Дагестанский государственный университет; gatam@list.ru

В статье на основе анализа разнохарактерных и разноязычных источников, а также этимологических построений раскрывается изначальный смысл и содержание слова, обозначающего титул верховных правителей Дагестана. Выявляются мотивы, побудившие первых представителей династии и их окружение в процессе утверждения ислама в Дагестане сконструировать идеологему, выведшую Шамхалидов из дома самого Пророка. Вместе с тем показано, что в Переднеазиатском регионе высокое положение Шамхалидов было обусловлено не только военно-стратегическим значением их государства, но и генеалогическими преданиями, связывавшими их с легендарными древнеиранскими правителями Кеянидами.

Ключевые слова: *Дагестан, Шамхалиды, династия, Переднеазиатский регион, историческая традиция.*

In the article on the basis of analysis of various and multilingual sources and also etymological formations the primary meaning and the content of the word, denoting a title of the Supreme governors of Daghestan are revealed. The motives, induced the first representatives and their entourage in the course of the statement of Islam in Daghestan to form ideologeme, moved out Shamhalids from the house of the Prophet. At the same time it is shown that in the Southwest Asian region the high position of Shamhalids was caused not only by military-strategic value of their state, but also by the genealogical legends, connected them with the outstanding governors of the Ancient Iran – Keyanids.

Keywords: *Daghestan, Shamhalids, dynasty, Southwest Asian region, historical tradition.*

Происхождение уникального титула *шамхал*, принадлежащего верховному правителю Дагестана и нигде больше не встречающегося, оставалось неизвестным на протяжении веков.

Источники корпуса «Тарих-Дагестан», в которых мы впервые сталкиваемся с этим титулом, относятся к концу XIII – началу XIV века [17, с. 158]. Примечательно, что наряду с *шамхалом* именно там впервые встречается и упоминание страны *Дагистан*, что в очередной раз убеждает в правоте Гегеля, утверждавшего: «Личность государства действительна лишь как *лицо*, как *монарх*. Личность служит выражением понятия как такового; лицо вместе с тем содержит его действительность...» [15, с. 295]. Причём все эти источники говорят о государстве *шамхалов*, как о давно свершившемся факте, единодушно связывая его образование с арабскими

завоеваниями на Кавказе и непосредственно в Дагестане [12, с. 24].

Между тем известно, что уже с IX века Дагестан был свободен от арабов и ни один внешний (по отношению к Дагестану) источник VII–XIII веков не упоминает о *шамхалах*, притом, что город Кумух, являвшийся, согласно местным источникам, столицей государства Шамхалидов, хорошо знаком многочисленным арабо-иранским авторам.

Достаточно вспомнить Ибн-Русте, свидетельствовавшего, что помимо Хунзаха – главной резиденции правителя Сарира, «царь Сарира имеет другой крепкий замок, называемый Алал-ва-Гумик (Кумух), где хранится его сокровищница» [23, с. 220], или Ибн ал-Асира, утверждавшего что в Кумухе наряду с сокровищницей находилась и дочь владыки Сарира [25, с. 187].

Как отмечал А.В. Гадло, начиная с Сасанидов и до появления на Кавказе арабов, взаимоотношения с Хазарией, а также между собой царства Сарир, царства Алан и Страны касогов (адыгские народы. – Т.Г.), составляли «существо политической истории региона Северного Кавказа» [14, с. 184–185].

Страшный разгром, учиненный хазарам в 737 г. арабами во главе с Марваном ибн-Мухаммадом, позволил последним начать завоевание Сарира. Основываясь на ат-Табари, А.В. Гадло даже полагал, что поход арабов в глубь хазарской степи имел основной целью завоевание Сарира [14, с. 161]. Здесь Марван ибн-Мухаммад встретил мощные крепости и упорное сопротивление населения, на преодоление которого, как писал А.П. Новосельцев, ему пришлось затратить семь лет – с 738 по 744 [25, с. 236].

Наиболее ярко об этих событиях повествует ал-Куфи. Первая крепость, с которой столкнулся Марван в войне с правителем Сарира, называлась ал-Балал и находилась в неустановленном месте на его пути из Шаки. Она оказалась хорошо защищенной, и взять ее удалось только месяц спустя [18, с. 53]. Следующей была взята крепость Амик, которую А.П. Новосельцев, ссылаясь на Ибн ал-Асира, отождествляет с Кумухом [25, с. 187]. Затем Марван приступил к продлившейся целый год осаде крепости Хайзадж, отождествляемой З.М. Буниятовым с первопрестольной столицей Сарира – Хунзахом, который был захвачен опять-таки благодаря примененной Марваном военной хитрости [18, с. 82]. Лишь после этого он приступил к поэтапному захвату остальной территории страны, и прежде всего – имевшихся в ней опорных пунктов. В этой связи ал-Куфи упоминает крепость Хамзин [18, с. 55–56], отождествляемую З.М. Буниятовым с Хамри. Как сообщает ал-Куфи, арабы покорили нелокализованные исследователями [20, с. 166–167] Туман, Шандан и те области, до которых успел добраться Марван прежде, чем в связи с наступлением зимы он возвратился в Дербент. Не избежала арабского вторжения, по свидетельству Ибн-ал-Асира, даже «страна дуданийцев (дидойцев/цезов. – Т.Г.)» [3, с. 31].

В итоге на царя Сарира и прочих побежденных владельцев была наложена дань провиантом, деньгами и людьми, в соответствии с возможностями каждого из них. «Походы арабов в горные области Восточного Кав-

каза, – писал А.В. Гадло, – имели целью организацию материального снабжения арабских войск в Закавказье. ...Дербент был превращен в главный сборный пункт, куда поступала дань из покоренных земель. Показательно, что источники не говорят об обращении горцев в ислам, но вполне определенно, хотя и с большими расхождениями, называют размеры дани, которая была наложена на завоеванные области Дагестана» [14, с. 161].

Однако зависимость Сарира от арабов продолжалась относительно недолго, чему в немалой степени способствовало Аббасидское движение, приведшее к череде смут и к смене династий в самом Халифате. Их попытки вернуться при халифе Харун ар-Рашиде (786–809 гг.) встретили резкий отпор. Арабы, напавшие на крепость Хамзин, которую З.М. Бунятов отождествлял с Хамри, были обращены в бегство [8, с. 115].

Вышесказанное позволяет заключить, что титул *шамхал* и сопряженное с ним государство Шамхалидов не могут быть соотнесены с присутствием арабов на Восточном Кавказе. И, тем не менее, исследователи средневековой истории Дагестана, высказывая относительно происхождения титула *шамхал* различные суждения, ни одно из которых, по их же мнению, не является окончательным [12, с. 22–23], упорно пытаются соотнести его с арабами, и в частности с Сирией, усматривая в первой части интересующего нас титула арабское название этой страны – «Шам».

Между тем известно, что на протяжении IX – первой половины X века государство Сарир усиливалось и даже расширяло свою территорию в южном направлении за счет Аррана [27, с. 262]. Могущество Сарира продолжало возрастать и в первой половине XI века, о чём, по мнению В.М. Бейлиса, свидетельствует то, «...что к его владельцу обращался за помощью против войск правителя Аррана в 1063 году ширваншах Фарибуз – внук матери владельца Сарира». И он же сообщает, что в 1064–1065 гг. глава раисов Дербента Муфаридж дважды призывал на помощь владельца Сарира. Однако «к концу XI века, – как с недоумением констатирует В.М. Бейлис, – исчезает и само название Сарир» [7, с. 265]. Его недоумение объясняется тем, что, озаглавив свою работу «Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир)», В.М. Бейлис не столько стремился разобраться в дагестанском историческом процессе, сколько, опираясь на современное ему административно-территориальное деление Дагестанской АССР, истолковывать сведения синхронных Сариру арабо-иранских источников. А поскольку сформированное в лоне российской государственности этнотерриториальное деление не имело корней в средневековом Дагестане, он просто не мог прийти к верным выводам. Для этого необходимо было предварительно уяснить, что Дагестан, начиная с эпохи Сасанидов и вплоть до «Персидского похода» Петра I обладал этнополитической целостностью, которая была разрушена целенаправленными усилиями российского императора и его преемников.

Нетрудно представить, что границы Шамхальства в общих параметрах совпадали с границами государства Сарир, о котором в ираноязычном географическом сочинении XIII века сказано: «Сарир – это область между

Абхазом (Грузией. – Т.Г.), Кипчаком, Ширваном и Дербентом: область большая, очень возделанная, труднодоступная, с большим количеством населения», а его правитель назван «падишахом древнего рода» [22, с. 205–206]. По мнению В.Г. Гаджиева, можно говорить о Сарире как об «общедагестанском государстве, предшествовавшем Шамхальству» [11, с. 169], о чем свидетельствуют и источники местного происхождения.

Так, в 4-томном издании «История Дагестана» сказано: «Один из списков местной хроники «Тарихи Дагестан» относит исламизацию Кумуха к началу XII века и связывает это событие с именем некоего Калантара, распространителя ислама, захватившего Кумух и силой заставившего жителей принять ислам». Это сообщение перекликается со сведениями автора начала XII в. курда Масуда ибн Намдара, который приводит письмо ширваншаха Ферибурза «к жителям пограничной области Гумик», пожелавшим принять ислам. Письмо написано в конце XI века. Оно свидетельствует о том, что Ширван принимает ряд мер, чтобы упрочить свое влияние в Кумухе путем распространения здесь ислама при содействии лезгинских (в современном понимании этнонима. – Т.Г.) селений, зависимых от него. Трудно сказать, приняли ли ислам вместе с Кумухом жители других селений «области Гумик». Но очаг ислама уже был создан, и территория, охваченная новой религией, расширялась» [17, с. 196–197].

Очевидно, что речь идёт о широко распространившемся в странах Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии миссионерском движении, известном в исторической литературе как движение *газиев*, т. е. борцов за веру. В.В. Бартольд [5, с. 272], А.Ю. Якубовский [30, с. 63] и другие исследователи относили его к IX–XI векам, что же касается Дагестана, то здесь движение распространилось после X века [19, с. 175–176; 4, с. 115].

Если учесть, что, по сведениям Ибн-Русте и ал-Масуди, царь Сарира со своим ближайшим окружением исповедовали христианство, то можно усмотреть и заговор, вдохновителем которого являлся ширваншах. Однако нельзя даже предположить, что, направляя миссионерскую деятельность *газиев* в обход царя Сарира, ширваншах мог игнорировать династический принцип и делать ставку на того, кто по рождению не принадлежал к дому, правившему Сариром уже на протяжении столетий.

Как и следовало ожидать от приверженцев монотеистической религии, царь и его окружение упорствовали в сохранении своей веры, оказываясь во все большей изоляции по мере того, как все больше их подданных-язычников обращались в ислам. Недовольство правящей династией вылилось в заговор, но он не вполне удался, поскольку, как сообщает Мухаммад-Рафи, «царь... с семейством, родственниками и приверженцами обратился в бегство и прибыл в страну Туш (Тушетию. – Т.Г.)» [29, с. 174].

Прибывшие из Кумуха мусульмане, согласно тому же источнику, «вели великие войны за веру и распространили свои воинские вторжения вдаль и вширь... Они до основания разорили крепчайший город Дагестана, резиденцию их повелителя, а именно аварский город *Хумзак* (ныне *Хунзак*)...»

[29, с. 174] Вслед за тем победители, как свидетельствует Мухаммад-Рафи, назначили править в Хунзахе некоего Маасум-Бега (а в качестве имама и судьи страны – Шейха-Абумуслима) [29, с. 174–175].

Спустя какое-то время наследникам прежней династии с помощью аланов все же удалось вернуть и удерживать в течение 24-х лет власть над Хунзахом [29, с. 177–179]. Однако ко времени «реставрации» там уже было много мусульман среди влиятельных лиц. Пользуясь сведениями того же источника, Б. Малачиханов писал, что «правнук шейха Абу-Муслима, подвизавшийся, по-видимому, в Хунзахе в роли высшего духовного лица... спасся бегством в Кумух» [21, с. 17]. И надо думать, он был не единственным из хунзахских мусульман, нашедших убежище в Кумухе, где к тому времени, согласно «Тарих-Дагестан», уже правил «и получал подати с разных стран» Шамхал [29, с. 175].

Те же, кто принял сторону законных наследников прежней династии, оказались вместе с ними во враждебном окружении, и, как сообщал Мухаммад-Рафи, «...оскудели их средства продовольствия; поддерживать жизнь сделалось весьма трудным; они утомились войною и кровопролитие им опротивело; посему они раскаялись и снова приняли Ислам» [29, с. 179].

Как свидетельствуют источники, в XI–XII вв. целостность государства, известного под названием Сарир, подверглась серьезному испытанию. Вспыхнувшие в нём не без внешнего вмешательства религиозные войны приняли затяжной характер, что могло привести к полной дезинтеграции государства. Однако усилиями сформировавшейся в нём «мусульманской партии», возглавляемой лицом, именуемым в местных источниках *шамхал*, дезинтеграционный процесс был приостановлен. *Шамхалу* удалось добиться легитимации своей династии и государства, и его имя упоминается в исторических источниках XIII века. Сменив религию, столицу и частично правящую элиту, Шамхальство успешно продолжило традиции прежней дагестанской раннефеодальной федерации, включив в свой состав практически все этнические общности и владения, входившие в Сарир, в связи с чем само это название исчезло из исторических источников.

Новое название дагестанского государства произошло, что очевидно, из превратившегося в титул прозвища его первого верховного сюзерена.

Титул «шамхал» изначально имел, как считал В.В. Бартольд, начальную форму «шах-бал» [6, с. 412]. Того же мнения придерживался З.М. Бунятов, когда со свойственной ему определённой писал: «...Предпочтение отдается суждению, по которому этот титул выводится из имени Шахбал...» [9, с. 226].

Если, опираясь на эти авторитетные суждения, обратиться к «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» В.И. Абаева, нетрудно обнаружить, что слово *bal* переводится как «группа, партия, отряд» [1, с. 232]. В пояснении он пишет: «Так называлась дружина или партия, управлявшаяся в совместное военное предприятие», сближая его с древнеиндийским *bala* – «сила», «военная сила», «военный отряд» [1, с. 233]. И в

том же словаре мы встречаем корень *бал* в ином его произнесении – *bælas*, что значит «дерево» растущее, в отличие от дерева – материала, поясняет В.И. Абаев [1, с. 247]. Примечательно, что и в ряде дагестанских языков оно переводится как «куст/дерево».

Таким образом, слово и известный титул арийского происхождения оказались объединены в интересующем нас титуле верховного правителя Дагестана. Интерпретировать это словообразование можно двояко. В одном случае оно может обозначать *шах партии*, *шах дружины*, что указывает на главенствующее положение его носителя, в другом – служить указанием на принадлежность к шахскому дереву.

Остаётся ответить на вопрос, к какому шахскому дому (дереву) принадлежал носитель данного титула (средневековые арабо-иранские авторы использовали титул «шах» в отношении целого ряда дагестанских владетелей, и в первую очередь в отношении правителя Сарира, которого они именовали «падишах древнего рода»). Сделать это позволяет смысловой ряд, выстроенный на базе очень разнохарактерных источников.

Так, Адам Олеарий свидетельствовал, что «главный правитель города Тарки и всей этой местности Сурхов-хан», т. е. принимавший его Сурхай-шамхал, гордился своим «происхождением из персидского царского дома» [26, с. 118].

Знаменательно, что это признание Сурхай-шамхала иностранцу шло в разрез с официальной генеалогической легендой Шамхалидов, существовавшей для внутреннего пользования, т. е. для подданных. Согласно этой легенде, шамхалы происходили из дома Пророка. Она часто упоминается в источниках восточно-кавказского происхождения, в работах А.-К. Бакиханова, Г.-Э. Алкадари и других авторов. К ней апеллировал в письме, направленном в 1829 г. в Петербург, Мехти-шамхал [28, с. 746; 2, с. 535]. Опираясь на неё, кавказский наместник А.И. Барятинский в 1860 году обращался к Дагестанской области [13]. Однако нельзя не заметить, что легенда эта находится в противоречии с исторической действительностью и как хорошо сконструированная идеологема должна была служить идеологическим и политическим целям шамхальского дома, для исследователей же она не представляет научной ценности.

Иного взгляда на происхождение Шамхалидов придерживался Аббас I Великий. Так, в 1597 г. в послании на имя царя Федора Ивановича он писал: «Койсу (р. Сулак) исстари великого юрта (владение) государя Александра Македона, юрта Шамхала-царя родством своим, того места старина их. И они своим родством наши други бывали» [10, с. 328]. Несмотря на плохой перевод шахской грамоты толмачами Терского городка и очевидную фантастичность сведений о родстве «Шамхала-царя» с Александром Великим, чьи «владения» он, таким образом, исстари наследует, всё это красноречиво свидетельствует о том, что персидский шах апеллировал к широко известной мифологеме, согласно которой царская династия Сарира принадлежала к дому легендарных Кеянидов. Эту легенду передаёт в своей эпической поэме «Искандер-наме» великий Низами [24,

с. 262]:

В замке – трон Кей-Хосрова и чаша. Весь мир
Был бы им восхищён. То – Высокий Сарир.
Кей-Хосров, отрешившись от скорбного мира,
Трон и чашу оставил под сводом Сарира.
И могилой себе он пещеру избрал.
Но в неё не вползти: как расплавленный лал,
Брызжет пламя пещеры. Царевич из рода
Кей-Хосрова – в том царстве владыка народа.
О Высоком Сарире заботится он:
Он хранит его чашу и царственный трон.

Таким образом становится очевидным, что один из самых могущественных правителей Ирана воспринимал династию Шамхалидов как ветвь генеалогического древа правителей Сарира и потому не считал зазорным называть шамхала своим «другом», т. е. союзником. Говоря о последнем, И.-Г. Гербер писал: «шамхал и при дворе Шаховом был всегда в великом почтении... в Персии в великие торжества были сделаны с правой и с левой стороны от шаха по два места для четырёх знатнейших защитителей государства, против четырёх сильнейших соседственных держав, а именно: 1) для Хана Кандагарского как защитника Персии против Индии; 2) для Шамхала как защитника против России; 3) для Царя Грузинского как защитника государства против Турков, и 4) для Хана, который живёт на границах Арапских» [16, с.36].

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. – М.–Л., 1958.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7. – Тифлис, 1878.
3. *Асир-ал.* Из Тарих ал-Камиль / пер. П. Жузе. – Баку, 1940.
4. *Ахмедов Ш.М.* К вопросу о распространении ислама в Дагестане// Вопросы истории Дагестана. – Махачкала, 1975.
5. *Бартольд В.В.* Средняя Азия до XII в. // Сочинения. Т. 1. – М., 1963.
6. *Бартольд В.В.* Дагестан // Сочинения. Т. 3. – М., 1965.
7. *Бейлис В.М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. Вып. 73. – М., 1963.
8. *Бунятов З.М.* Азербайджан в VII–IX вв. – Баку, 1965.
9. *Бунятов З.М.* Комментарий и примечания// *Аббас-Кули-Ага Бакиханов.* Гюлистан-и Ирам. – Баку, 1991.
10. *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1588–1612 гг. (по русским архивам). – М., 1976.
11. *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. – М., 1979.

12. *Гаджиев В.Г.* Шамхальство (история образования и государственное управление) // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1989.
13. *Гаджиев Т.В.* Кавказский наместник А.И. Бяргинский и образование Дагестанской области. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов/Дону, 2012. – № 3.
14. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979.
15. *Гегель.* Философия права. Сочинения. Т. 7. – М.–Л., 1934.
16. *Гербер И.-Г.* Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курою народах и землях и их состоянии в 1728 году // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Июль; Август; Сентябрь; Октябрь.
17. История Дагестана. Т. 1. – М., 1967.
18. *Куфи-ал.* Книга завоеваний. – Баку, 1981.
19. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. – М., 1963.
20. *Лавров Л.И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала, 1976.
21. *Малачиханов Б.* О прошлом Аварии. – Махачкала, 1928.
22. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Географические сочинения XIII в. на персидском языке // УЗ ИВ. – 1954. – Т. 9.
23. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. Приложение 4. – М., 1963.
24. *Низами.* Искендер-наме. – М., 1953.
25. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
26. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. – Махачкала, 1992.
27. Очерки истории Дагестана. – Махачкала, 1957.
28. *Полиевктов М.А.* Из истории северокавказских феодалов XVII в. Сб. Академику Н.Я. Марру. – М.–Л., 1935.
29. Тарихи Дербент-наме / под ред. М. Алиханова-Аварского. – Тифлис, 1898.
30. *Якубовский А.Ю.* Махмуд-Газневи // Фирдоуси. – М.–Л., 1934.

Поступила в редакцию 25 июля 2012 г.